

Глава 15

Му Ань об этом не догадывался, он лишь заметил, что больше никогда не видел того страшного питона.

Зимой в Ганши снега не бывало, но каждый Новый год на столе Му Аня неизменно появлялись свежие личи.

Мо Шиянь распорядился привезти на остров и посадить два саженца редкого сорта. Деревья, высаженные на пустыре возле конюшни, уже через пару лет раскинули пышные, густые кроны. С приходом лета их листва, скрывавшая под собой гроздь алых плодов, колыхалась на ветру, словно зелёное море.

Му Ань, наигравшись с Сяо Баем, отдыхал в их тени. Братик сказал, что все ягоды на этих деревьях принадлежат только ему, и никто не посмеет их отнять. Мальчик смотрел на усыпанные рубиновыми плодами ветви, гладил по гриве своего белого жеребёнка, и счастье переполняло его.

Он был самым счастливым ребёнком на свете, а его брат — самым лучшим братом.

Хрупкая детская фигурка, казалось, тоже пустила корни в благодатную почву Лампес-Бэй, чтобы вместе с деревьями личи расти и крепнуть на этом прекрасном острове, цвести и плодоносить, постепенно превращаясь в стройного юношу.

Незаметно пролетело время. Умываясь в хозяйской спальне, Му Ань больше не нуждался в низкой скамеечке, хотя она по-прежнему стояла за дверью ванной.

Он подрос и стал смелее. Переехав на второй этаж, он больше не просыпался по ночам в слезах. И хотя он по-прежнему любил дождливые дни, раскаты грома иногда всё ещё пугали его, и тогда, обняв свою любимую игрушку, он бежал в спальню к брату.

Стоило ему немного покапризничать, и брат уступал ему половину своей огромной кровати.

Му Ань уже два года занимался рисованием с учителем Сюем. Тот считал мальчика очень талантливым и даже хотел заявить его на всероссийский конкурс, но тогда Му Аню, ученику третьего класса, не было и десяти лет, и он не соответствовал минимальному возрастному требованию.

Узнав об этом, Му Ань возмутился и стал уговаривать Мо Шияня всё равно отвезти его на конкурс. Он уверял, что если скажет, будто ему уже десять, никто и не заметит, что на самом деле ему нет и восьми.

Мо Шиянь посмотрел на его невысокую, похожую на крепкий грибок фигурку и, не желая ранить чувства ребёнка, лишь попросил Чжун-и почаше готовить для Му Аня питательный костный бульон.

Так, каждый день с кислой миной хлебая суп, к десяти годам Му Ань действительно заметно подрос, но рядом с братом всё равно казался совсем маленьким.

К счастью, рост для участия в конкурсе не имел значения, и в четвёртом классе, во время зимних каникул, Мо Шиянь повёз его в Бэйши.

Зимы в Бэйши были куда холоднее, чем в Ганши. Накануне поездки Му Ань посмотрел прогноз

погоды на своём новом телефоне — подарке от брата за очередную блестящую учёбу. Это была последняя модель, ещё не поступившая в продажу, и его друзья чуть не умерли от зависти.

— Братик, здесь написано, что будет небольшой снег, переходящий в умеренный, — взволнованно проговорил он, поднося экран к лицу Мо Шияня. — Как думаешь, мы застанем снегопад?

Чжун-и уже собрала чемодан. Поездка на три дня — одного большого чемодана на двоих было вполне достаточно. Мо Шиянь как раз укладывал в него какие-то вещи, когда Му Ань, прервав его, буквально рухнул на крышку.

— Ну посмотри, — не унимался он. — Снег ведь будет, да?

Он никогда в жизни не видел снега. Мо Шиянь иногда брал его с собой в поездки на каникулах, но зимой на север они ещё не ездили.

— Сначала слезь, — сказал Мо Шиянь.

Му Ань сделал вид, что не слышит, и, уткнувшись лицом в грудку одежды, пробормотал:

— Пусть небеса пошлют в Бэйши снег! Пожалуйста, пожалуйста, я так хочу его увидеть!

Мо Шиянь схватил его за воротник и поднял на ноги.

— Кого это ты просишь?

Му Ань на мгновение замер, а затем, словно что-то сообразив, протопал в шлёпанцах к окну, распахнул его и, сложив ладони, обратился к тёмному ночному небу, бормоча, словно заклинание: «Пусть пойдёт снег, пусть пойдёт снег, пусть пойдёт снег».

Этим дело не ограничилось. Уже в самолёте, летевшем в Бэйши, Му Ань решил, что здесь он ближе к небесам, а значит, и шансов быть услышанным больше. Всю дорогу он, глядя на синеву и белые облака за иллюминатором, усердно молился.

Его поведение привлекло внимание стюардессы. Увидев мальчика с закрытыми глазами, что-то шепчущего себе под нос, она подошла к Мо Шияню и поинтересовалась, не нужна ли им помощь.

Мо Шияню ничего не оставалось, как взять его сложенные ладони в свою руку и накрыть его голову пледом, прекращая сеанс связи с небесами. Он с досадой подумал, что всё-таки стоило лететь на частном самолёте.

Но, возможно, искренность Му Аня действительно тронула небеса: когда самолёт приземлился в аэропорту Бэйши, с неба и впрямь начали спускаться редкие снежинки.

Му Ань, укутанный с головы до ног, выбежал на улицу и взволнованно закружился на месте, неуклюжий, как маленький пингвин. Он подставил рукав, поймал несколько снежинок и, наклонив голову, принялся их разглядывать.

— Братик, снежинки и правда шестиконечные!

Он хотел показать их Мо Шияню, но крошечные белые звёздочки тут же растаяли.

Ветер крепчал, и снег повалил гуще. Мо Шиянь слишком хорошо помнил, как после прогулки

на холодном ветру Му Ань пролежал с жаром целую ночь. Он коснулся ледяных ручек мальчика и, не позволив ему долго оставаться на улице, сразу повёз его в отель, предоставленный организаторами конкурса.

Они с Му Анем разместились в люксе, Чжао Чжоу занял соседний номер.

К тому времени, как они заселились, уже стемнело. Му Ань подошёл к окну и увидел, что роскошный внутренний двор отеля покрыт белым покрывалом.

— Братик, — с восторгом сказал он, — я хочу пойти поиграть в снегу.

— Нельзя.

Он надеялся, что можно будет хотя бы договориться, но получил категорический отказ. Му Ань не собирался сдаваться и прибег к своему проверенному оружию — обаянию.

Мо Шиянь сидел за столом, просматривая что-то на ноутбуке. Му Ань подошёл и, склонив голову набок, заглянул ему в лицо.

— Ну хоть на минуточку, нельзя? Совсем ненадолго. Я обещаю, что быстро вернусь.

Мо Шиянь двумя пальцами gently отстранил его голову, но всё же пошёл на уступку:

— Сегодня — нет.

Услышав это, Му Ань снова придвинулся ближе.

— А завтра можно? После конкурса. Я не буду отвлекаться от главного.

Мо Шиянь посмотрел в его сияющие глаза.

— Не боишься снова заболеть?

Му Ань задумался. Он понял, что брат просто боится его простудить, и улыбнулся.

— Я оденусь потеплее, и всё будет хорошо. Я не заболею. К тому же, я впервые вижу снег, а когда мы вернёмся, его уже не будет.

Мо Шиянь легонько щёлкнул его по лбу. Му Ань улыбнулся ещё шире — брат всегда так делал, когда не мог ему отказать. Он обнял его за шею, быстро чмокнул в щёку и, вприпрыжку, побежал забираться на кровать.

***

Проснувшись на следующее утро, Му Ань первым делом подбежал к окну. Снег прекратился. Улица утопала в сугробах, всё вокруг было покрыто серебром — такого он ещё никогда не видел.

Ему не терпелось выбежать на улицу, но Мо Шиянь заставил его сначала позавтракать и выпить большой стакан молока. Затем его одели в пуховик и кожаные ботиночки, укутали в толстый шарф, надели на голову шапку с медвежьими ушками, и только после этого они вышли из отеля.

В лицо ударил пронизывающий, ледяной ветер. Снаружи остались только глаза и нос, и Му Ань

тут же громко чихнул.

Мо Шиянь поплотнее затянул на нём шарф. Конкурс проходил в просторном павильоне, и было неизвестно, насколько хорошо там с отоплением. Му Ань вырос в Ганши и не привык к холоду, так что лучше было перестраховаться и одеть его потеплее.

Павильон находился недалеко от их корпуса, и за ними приехал шаттл.

Снег на территории отеля уже успели убрать, оставив по краям дорожек несколько слепленных кем-то снеговиков. Му Ань, словно кладоискатель, находил их одного за другим и показывал брату, обещая, что, когда они вернутся, тоже слепят снеговика под окнами.

Возле павильона стало людно, и шаттл не мог подъехать ближе. Они вышли из машины. Похоже, снегоуборочная техника сломалась: на дороге снег превратился в грязное месиво. Управляющий, обливаясь потом, руководил рабочими, пытавшимися быстро расчистить проход.

Мо Шиянь, державший Му Аня за руку, вдруг остановился. Он заметил, как неподалёку ребёнок, которого вёл за руку родитель, поскользнулся и упал. Не успел Му Ань и опомниться, как брат подхватил его под мышки и поднял на руки.

Му Ань так увлечённо шагал по снегу, что его ботиночки были все в белых разводах, а в следующую секунду он уже оказался в объятиях брата.

Он подрос, стал выше, но на руках у брата всё ещё казался совсем крошечным. Брат тоже вырос, его плечи стали шире и теплее.

Но вокруг было слишком много людей, и Му Аня стало немного неловко. Он попытался вырваться.

— Братик, отпусти, я могу идти сам.

Не успел он договорить, как рядом с ними, поскользнувшись, упал ещё один ребёнок.

Мо Шиянь без труда держал его одной рукой, а другой коснулся его ладони и нахмурился.

— Где перчатки?

Му Ань виновато опустил глаза.

— У тебя в кармане.

Он тайком снял перчатки, чтобы потрогать снег на ветках низкого кустарника, и его руки успели замёрзнуть. Мо Шиянь действительно нашёл в своём кармане пушистую перчатку и, сунув её ему в руки, приказал:

— Надень.

Му Ань послушно натянул перчатки и позволил брату уложить свою голову ему на плечо.

— Будь умницей, — сказал Мо Шиянь. — Пройдём этот участок, и я тебя отпущу.

Му Ань, спрятав нос в шапку, тихо ответил:

— Хорошо.

И действительно, он больше не двигался, вцепившись ручками в пальто брата. Пушистый, круглый, в своей медвежьей шапке, он и вправду походил на маленького коалу.

Му Ань вертел головой, разглядывая всё вокруг из-за спины брата. Все участники конкурса были детьми, от десяти до шестнадцати-семнадцати лет, и никого из них родители не несли на руках.

Он перевёл взгляд на идущего позади Чжао Чжоу.

Теперь он уже не боялся его, как в детстве. Наоборот, с утра Чжао Чжоу заставил его выпить целый стакан горячего молока, отчего живот казался переполненным, и теперь Му Ань, насупившись, время от времени бросал на него сердитые взгляды, словно кот, чувствующий за спиной силу хозяина.

Когда они миновали скользкий участок и подошли к входу в павильон, Мо Шиянь, прежде чем опустить Му Аня на землю, велел Чжао Чжоу счистить с его ботинок налипший снег.

Му Ань остался очень доволен своими чистыми ботиночками и решил на время простить Чжао Чжоу.

Рядом стояла семья — родитель с двумя сыновьями, тоже приехавшими на конкурс. Они уже давно наблюдали за Мо Шиянем и Му Анем — видимо, те слишком выделялись в толпе. Внезапно родитель повернулся к своим детям и принялся их отчитывать:

— Посмотрите на них! Тоже ведь братья, а как друг друга любят! А вы что? Дома дерётесь, и здесь продолжаете! Никакого уважения!

Один из мальчиков возразил:

— А кто сказал, что они братья? Может, это его папа! Такой папа точно не будет ругать своего ребёнка!

Му Ань тут же звонко крикнул:

— Братик!

— М-м? — отозвался Мо Шиянь.

Убедившись, что та семья его услышала, Му Ань потянул брата за руку.

— Ничего. Дай мне мою сумку, я сам понесу.

Он решил, что на людях будет вести себя как подобает воспитанному младшему брату.

Мо Шиянь смотрел, как он с трудом надевает на свой пухлый пуховик туго набитый рюкзак, и поправил на его голове съехавшую набок медвежью шапку.

Глядя на него, он с тихим смешком произнёс:

— С чего ты вдруг стал таким послушным?

<http://bllate.org/book/13682/1212299>